

— Не умеешь говорить — молчи!

Система в ярости обрушила на них град ударов. Когда они выбрались из переулка, головы Цзянь Ияня и Лу Луминцзе были покрыты шишками. Система, словно важная барыня, вышагивала впереди, скупая всё подряд: Цзянь Иянь послушно расплачивался, а Лу Луминцзе, превратившись в слугу, тащил за ней покупки.

Система, воздев руки к небу, заливисто хохотала:

— Я — самая неотразимая красotka в городе Лоян!

Цзянь Иянь огляделся по сторонам. Похоже, в таком виде Система могла спокойно разгуливать по улицам, проблем быть не должно. Хотя женщины, выходя из дома, обычно брали с собой служанок и носильщиков, им, по крайней мере, больше не требовалось скрывать лица под длинными накидками. Политика, внедренная после присоединения государства Силян, принесла свои плоды. На пути им пару раз встретились девушки, которые, узнав его, смело стреляли глазками. Цзянь Иянь вздрогнул и потащил Лу Луминцзе в ближайший ресторан.

Система позади громко хохотала, называя его другом всех женщин. Она до сих пор находила забавными те громкие речи, что он толкал во время споров, — эта шутка, казалось, приклеилась к нему намертво.

Они выбрали отдельный кабинет. Цзянь Иянь и Лу Луминцзе наконец смогли выдохнуть: на улице их пробрало до костей холодным ветром, но Системе было всё нипочем — она беззаботно заказывала блюда.

— Хочу всё! Буду есть всё!

У Цзянь Ияня на лбу вздулась вена:

— Если не доешь, я переверну котел у тебя на голове!

Опыт показал, что Система действительно способна поглотить невероятное количество еды. Весь стол был заставлен тарелками, которые она вычистила до блеска, с громким причмокиванием уплетая всё с таким аппетитом, что покраснелась и покрылась испариной. Лу Луминцзе почувствовал, что остался голодным, и ему пришлось довольствоваться одним лишь супом, чтобы согреться.

Манера Системы есть была просто невыносимой, будто она не видела еды сотни лет. Цзянь Иянь, сам того не заметив, достал платок и вытер ей пот, выглядя при этом точь-в-точь как заботливый отец. Система замерла, её глаза покраснели, в них заблестели слезы, которые тут же покатились по щекам.

Цзянь Иянь: «!?»

Лу Луминцзе: «??»

Система тут же рассмеялась сквозь слезы, небрежно вытерла глаза рукавом и сказала:

— Просто слишком остро, вот и прослезилась.

Цзянь Иянь молча смотрел на неё, чувствуя, что это оправдание звучит совершенно неубедительно. Система подняла голову и тихо добавила:

— Ты такой же... добрый, как один знакомый мне простофиля из прошлого.

Сказав это, она по-свойски положила ему в тарелку мясную тефтельку и молча уткнулась в еду. Цзянь Иянь не знал, что ответить, и, отложив палочки, просто наблюдал за ней.

...

— Ик! Как же хорошо!

Выйдя из ресторана, Система забрала у Лу Луминцзе все свертки и отправила их в свое пространство.

— Спасибо, я пошла!

Лу Луминцзе подмигнул Цзянь Ияню:

— А я уж было подумал, что ты и правда станешь её служанкой.

Цзянь Иянь лишь закатил глаза. Разве Система вообще способна быть служанкой?

...

Вернувшись в пространство, Система вмиг помрачнела. Её защита была взломана. Тот самый наглый мальчишка сидел на её месте и поедал её закуски!

— Вернулась? Довольно быстро, сэкономила мне время на поиски.

Система холодно произнесла:

— Твой хозяин не учил тебя, что в чужой дом нужно стучать?

Юноша облизал пальцы, на которых остались крошки, и осклабился:

— Я постучал. Кто же знал, что твоя защита развалится от одного моего прикосновения?

Система не стала тратить на него слова и, переместившись прямо перед ним, нанесла резкий удар в голову.

— Какая злая! — юноша пригнулся, уворачиваясь от атаки.

— Это всё ты, мерзавец, вечно портишь мне все дела!

Юноша приподнял бровь, легко заблокировал её удар ногой и, проявив скверный характер, слегка сжал её лодыжку:

— Это называется честная конкуренция.

Система была в ярости. Она и не подозревала, что этот тип связан с таким отбросом, как Чу Цинцы, и все его задания идут вразрез с её целями!

— Ты ослеп?! Помогаешь этому негодяю, ты хоть знаешь, что он творил?! Запирал людей, калечил их, доводил до самоубийства! Из-за него Цзянь Иянь лишился всего, а целая семья была обречена на страдания! Таких, как он, нужно подвергнуть мучительной смерти!

— Какое мне дело до того, какой он человек? — юноша равнодушно пожал плечами.

Он связался с Чу Цинцы только ради баллов. Стоило Чу Цинцы исполнить свое желание и заставить Цзянь Иянь всецело ему довериться, как баллы окажутся в его руках. Он всегда оценивал только выгоду от задания — именно так и должен вести себя настоящий системный агент.

— Он дал мне четкий приказ — устранить тебя. Но если ты передашь мне права доступа к центральной системе, я тебя пощажу. Как тебе? — юноша говорил небрежно. — Сделка невероятно выгодная.

Система усмехнулась:

— Ты правда думаешь, что это возможно?

Юноша немного посмотрел на неё, а затем внезапно улыбнулся:

— Пожалуй, ты права.

В пространстве раздался пронзительный звук, и перед глазами посыпались бесконечные красные окна с предупреждениями.

— Тогда тебе лучше поторопиться и «умереть».

— Ты... — лицо Системы стало мертвенно-бледным, её пространство стремительно распадалось на части...

Юноша перед ней с наслаждением наблюдал за разрушением. Связаться с Чу Цинцы было

отличным решением. Только такой безумец, как он, может обладать столь неисчерпаемой силой.

...

— Слушай, раз уж чертежи готовы, есть ли смысл делать модель? — Лу Луминцзе подпер подбородок рукой, наблюдая, как Цзянь Иянь старательно соединяет деревянные брусочки. Казалось, он решил воссоздать в миниатюре весь дворец. — Ты слишком уж усердствуешь. Учиться на строителя — это одно, но ты уже превратился в настоящего ремесленника.

Цзянь Иянь бросил на него взгляд и холодно спросил:

— Ты уже закончил приводить в порядок Свод правил Министерства общественных работ?

Такое грандиозное дело, как пересмотр государственных документов, а Лу Луминцзе еще находит время болтать — видимо, совсем бездельничает. Лу Луминцзе отмахнулся:

— Не напоминай. Там всем заправляют опытные старцы, я лишь на побегушках. Если бы меня заставили писать этот свод, я бы и двух слов не связал.

Цзянь Иянь лишь вздохнул. Он надеялся, что в Министерстве общественных работ и Цзянцзоцзянь хоть кто-то проявит смекалку, а то если случится провал, ему придется всё разгребать. К несчастью, его непутевый отец был не слишком расторопен. Два ведомства месяцами не могли прийти к согласию. Цзянцзоцзянь твердили, что Министерство общественных работ ни на что не годно, мол, и материалы выбраны не те, и правила неверны. Министерство же считало, что Цзянцзоцзянь просто придирается: стандарты утверждены, выполняйте, чего спорить? Кто здесь главный инженер? Цзянцзоцзянь же упирались: мы опытнее вас в дворцовом строительстве, имеем право сомневаться! Министерство парировало: вы сами построили дворец так, что он рухнул, какие могут быть претензии!

Они пререкались целыми днями. Управление надзора Цзянь Ияня оказалось меж двух огней, и никто не был доволен. Поэтому Цзянь Иянь мог лишь «счастливо» собирать конструктор под звуки их бесконечной ругани.

Лу Луминцзе предложил взять всю работу на себя, мол, может, удастся заработать больше баллов. Цзянь Иянь поначалу не обращал внимания. Строительные нормативы — вещь тонкая: если всё прописано четко, проблем нет, но стоит допустить ошибку — и тебя разнесут в пух и прах. Вспомнить хотя бы тех, кто составлял правила до обрушения Зала Юань — кажется, их уже давно нет в живых. Взяться за этот «горящий картофель» мог либо очень опытный мастер, либо безумный смельчак.

В конце концов, Министерство общественных работ и Цзянцзоцзянь втянули в свои «дискуссии» и Управление надзора. Цзянь Ияню пришлось снова выступать в роли миротворца и советника. Цзянцзоцзянь в шутку говорили министру общественных работ: ваш сын — настоящий талант, знает больше, чем мы, старики. Цзянь Исин не знал, что и ответить, и молчал. Цзянь Иянь же и вовсе не удостоивал их взглядом. Отношения отца и сына с детства

были натянутыми, а атмосфера между тремя ведомствами стала еще более странной.

Пересмотр правил затягивался. Миниатюрный дворец Цзянь Иянь был почти готов, а ведомства всё еще спорили. Лу Луминцзе, который был «инструментом для черчения», жаловался, что больше не может работать. Глядя, как Цзянь Иянь то чертит, то строит, он не мог не признать: этот парень — настоящий фанатик работы. Весь он, похоже, состоял из одного сплошного трудолюбия.

Ближе к концу года Цзянь Иянь и Лу Луминцзе наконец накопили сто баллов и, радостные, отправились в системный магазин, чтобы купить САПР. Сканирование, моделирование, автоматическое создание чертежей — мечта! Но оказалось, что магазин не открывается, а на все вызовы Система не отвечала.

Лу Луминцзе почесал подбородок:

— Кажется, я уже давно не слышал её фоновой музыки. Интересно, куда она делась?

Мир Цзянь Иянь и Лу Луминцзе стал намного тише, но чем больше проходило времени, тем тревожнее становилось на душе. Лу Луминцзе начал подозревать, что Система их бросила.

— Мы что, так и останемся в этом мире навсегда? — с грустью спросил он.

Цзянь Иянь молчал, каждый день пытаясь дозваться Системы. В ответ — лишь мертвая тишина. Тревога поселилась в его сердце, и он мог лишь отвлекаться на сборку деревянных деталей. Они ничего не могли сделать, кроме как ждать её возвращения. Раньше Система была их единственной надеждой, и сейчас ничего не изменилось.

— Иногда я чувствую себя таким слабым, — неожиданно произнес Цзянь Иянь, не отрываясь от работы. — Умереть легко, а вот жить — трудно.

Лу Луминцзе приостановил работу над чертежом:

— Мне всегда было любопытно, что стало твоей причиной продолжать жить.

Впрочем, он догадывался, что дело в каких-то идеалах. Цзянь Иянь казался тем человеком, который ради идеала пойдет на всё. Чтобы получить шанс на перерождение, он даже был готов пойти на убийство, лишь бы защитить Цзянь Юня и Ли Сюэцина. Зимний банкет до сих пор оставался самым ярким воспоминанием Лу Луминцзе. Он видел, как сильно Цзянь Иянь цеплялся за жизнь. И в самом деле, было крайне прискорбно, когда человек, полный сил и стремлений, погибал так рано. Ведь у него впереди было бесконечное множество возможностей принести пользу обществу.

— Жизнь изменчива, — Цзянь Иянь помолчал, а затем добавил то, чего Лу Луминцзе никак не ожидал услышать: — Я не хочу, чтобы моя сестра всю жизнь прожила в чувстве вины.

У неё должно быть прекрасное будущее, а не жизнь в тени его смерти. Чу Цинцы, используя её, чтобы приблизиться к нему, даже не задумывался, как это отразится на юной девушке.

— Если бы жизнь можно было прожить заново, я бы хотел защитить её.

Надеюсь, это не просто несбыточная мечта...

...

Вечером, придя во Дворец Цифэн, Цзянь Иянь обнаружил, что Вэнь Шидао отсутствует — вероятно, был занят государственными делами.

— Иянь... — Инь Вэй произносил его имя всё чаще, и эта растянутая интонация вызывала у Цзянь Ияня неприятную дрожь.

Инь Вэю же нравилось видеть такую реакцию, и он постоянно поминал его имя, даже когда подписывал указы. Ты что, попугай? Цзянь Иянь чувствовал, что после зимнего банкета с головой Инь Вэя явно что-то случилось. Хуже всего было то, что ему приходилось отвечать на каждую реплику, иначе Инь Вэй начинал капризничать.

В голове у Цзянь Ияня гудело, и в какой-то момент он даже не заметил, как Инь Вэй приблизился и поцеловал его в щеку.

— Ваше Высочество, это не подобает...

Услышав это, Инь Вэй лишь наглее прижался к нему всем телом.

— Раньше ты был тем, кто меньше всего обращал внимание на приличия, а теперь заговорил о них? — рассмеялся Инь Вэй. — Неужели я недостаточно хорош?

Почувствовав мягкость его тела, Цзянь Иянь внимательно посмотрел на него. Инь Вэй был невероятно красив, особенно его глаза — персиковые, вечно улыбающиеся, от которых невозможно оторвать взгляд. Каждый взгляд, каждая улыбка — всё в нем было пропитано соблазном. Однако Цзянь Иянь не испытывал интереса к мужчинам.

Он обнял Инь Вэя и сказал:

— Раз у Вас появилось время, давайте обсудим реконструкцию Зала Июань.

Инь Вэй: «...»

Кто вообще хочет об этом слушать?!

Цзянь Иянь обнимал его так, словно они были лучшими друзьями. Однако... Инь Вэй

почувствовал, что места их соприкосновения стали подозрительно горячими, а лицо само собой залилось краской. Он перестал слушать, что говорит Цзянь Иянь, погрузившись в собственные мысли.

Смеркалось, время пролетело незаметно, и Цзянь Ияню пора было уходить. Он сложил чертежи, попрощался и пожелал Вашему Высочеству спокойной ночи. Инь Вэй не успел опомниться, как Цзянь Иянь уже исчез, его движения были быстрыми и решительными.

— Неотесанный болван!

Инь Вэй от досады кусал губы и ворочался на кровати. Стоило Вэнь Шидао уйти, как у него появился шанс приударить за Цзянь Иянем, но тот даже не дрогнул! Инь Вэй начал сомневаться в своей привлекательности...

...

Вернувшись в поместье Цзянь, он встретил слугу, который, забирая его верхнюю одежду, невольно чихнул. Слишком сильный аромат. Откуда на Цзянь Ияне столько духов?

— Что такое?

— Молодой господин, не желаете ли... принять ванну?

Цзянь Иянь лишь тогда осознал, что одежда пропиталась запахом Инь Вэя. «Эх, как же всё это надоело».

Он быстрым шагом направился в свой двор и увидел, что в комнате горит свеча. Служанка объяснила, что только что заходил Цзянь Шучи. Цзянь Иянь удивился: зачем он приходил?

Толкнув дверь, он вошел внутрь, огляделся — всё было на своих местах, видимо, Цзянь Шучи просто заглянул ненадолго. Он только собрался переодеться, как пришел слуга и сказал, что Цзянь Шучи зовет его к себе немедленно. Цзянь Иянь, озадаченный, последовал за слугой.

Едва войдя в комнату, он почувствовал сильный запах вина.

— Иянь... — Цзянь Шучи был пьян в стельку и, пошатываясь, двинулся к нему. — Почему так поздно...

Цзянь Иянь подхватил его и приказал служанкам помочь уложить его в постель. Было крайне необычно видеть Цзянь Шучи в таком состоянии. Стоило служанке подойти, как Цзянь Шучи оттолкнул её и, продолжая пьяный бред, намертво вцепился в Цзянь Ияня.

У Цзянь Ияня разболелась голова, ему пришлось самому уложить его и велеть принести отвар

от похмелья.

— Уйдите... прочь... мне нужен только Иянь... — бормотал Цзянь Шучи, прогоняя слуг.

Цзянь Ияню пришлось самому поить его отваром. В какой-то момент Цзянь Шучи вдруг заплакал и, обнимая Цзянь Ияня, прошептал:

— Я не хочу жениться... не хочу...

Только тогда Цзянь Иянь понял, что дело в помолвке — скоро Цзянь Шучи должен был вступить в брак. Стандартный союз по воле родителей. Видя, как сильно Цзянь Шучи противится этому, Цзянь Иянь подумал, что этот брак вряд ли принесет счастье.

Цзянь Шучи прижался к нему, и когда его голова оказалась у шеи Цзянь Ияня, он внезапно замер.

— Почему от тебя пахнет... — другим человеком?

Цзянь Шучи разозлился и, схватив его за воротник, потребовал ответа:

— Ты опять ходил к Цзянь Юню?!

Цзянь Иянь не понимал, о чем он, и стал отрицать.

— Я запрещаю тебе видеться с ним! — истерично закричал Цзянь Шучи, сжимая его плечи. — Чем он лучше меня, что ты вечно бегаешь к нему?!

— Я не ходил к нему... — ответил Цзянь Иянь.

Цзянь Шучи, глаза которого налились кровью, не желал слушать оправданий и с силой сжал его плечи.

— Столько лет, а ты никогда не думал обо мне... А теперь ради этого преступника ты готов на всё, защищаешь его изо всех сил... Неужели он того стоит?

Цзянь Иянь молча смотрел на него. Цзянь Шучи больше всего ненавидел это молчание — ни слов, ни ответов. Внутренний гнев, смешанный с давно подавляемым желанием, толкнул Цзянь Шучи на безумный поступок. Он потянулся к нему, чтобы поцеловать, но Цзянь Иянь среагировал быстрее и резко оттолкнул его.

Увидев настороженный взгляд Цзянь Ияня, Цзянь Шучи рассмеялся. Он смеялся так, что согнулся пополам, в уголках его глаз выступили слезы, а сердце Цзянь Ияня содрогнулось. Его глаза были красными, а в черных зрачках таились кровожадная собственническая страсть и темная одержимость.

Цзянь Иянь, покрывшись холодным потом, начал отступать к двери, но обнаружил, что она

заперта снаружи! Служанки солгали!

Цзянь Шучи тяжело и часто дышал, его лицо пылало:

— Я давно... мечтал о тебе. Когда ты был маленьким... семь-восемь лет... ты был таким очаровательным... Брат не мог без тебя жить... А ты никогда не замечал моих чувств...

Цзянь Иянь был в ужасе, считая, что Цзянь Шучи окончательно сошел с ума. Семь-восемь лет? В то время они почти не общались.

— Я хотел жениться на тебе с самого детства... — Цзянь Шучи приближался шаг за шагом, используя свое преимущество в росте, и запер его в кольцо своих рук, прошепав на ухо: — Как ты мог мне отказать?

В последнее время многих чиновников увольняли, и когда в Министерстве общественных работ не хватало людей, троице Цзянь Ияня приходилось брать на себя и другую работу.

...

Его сестра, хоть и была начитанной и талантливой, не любила стихи, зато интересовалась архитектурой и обычаями других земель. До замужества она часто приходила к нему, прося книги об архитектуре и географии Цзяннани, а также редкие древние тексты, о которых никто не слышал. Изучив Цзяннань, она переключилась на Линнань. Похоже, в будущем она намеревалась дойти до Западного края, продолжая свои исследования.

— Когда ты снова поедешь в Линнань?

Сяо Ли невольно прыснул со смеху. Он с нежностью смотрел на неё, желая, как раньше, взлохматить её мягкие волосы, но вдруг вспомнил, что она уже замужем.

— Как-нибудь в другой раз, я велю своим людям найти для тебя всё необходимое.

Сяо Ли думал, что ей будет грустно, но, к его удивлению, после банкета Сяо Сыжун прибежала к нему вприпрыжку.

— Брат, я закончила копировать те рисунки.

Его кроткая сестра с предвкушением смотрела на него, ожидая ответа.

«Облик благородного мужа спокоен и нетороплив».

В древних комментариях конфуцианцев «шучи» трактовалось как «спокойствие и изящество». Этот побочный сын получил удачу, достойную законного наследника.

В тот день в клане Цзянь было очень оживленно. Несмотря на вопросы о статусе младшего господина, Цзянь Исин дал ему имя, которое приберегал для законного сына. В первый же год после свадьбы госпожа Ван родила Цзянь Исину сына. Это был его первый сын, первый ребенок за столько лет брака.

<http://bllate.org/book/21581/2223652>